Г. ЗИНОВЬЕВ

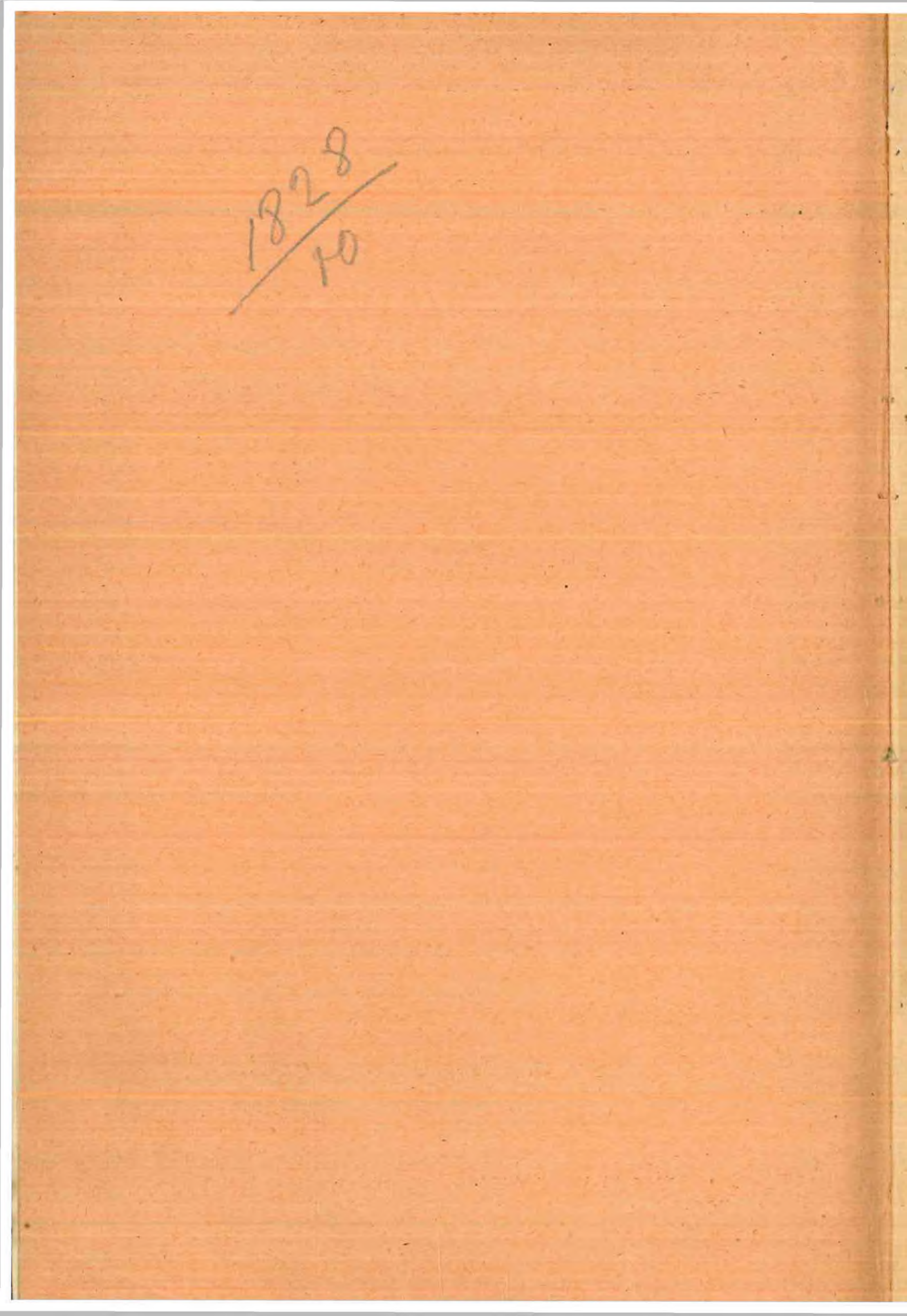
ФИЛОСОФИЯ ЭПОХИ

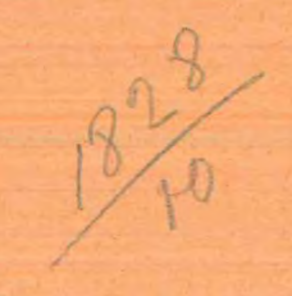
ДЕЛЕГАТУ

XIV-го с'езда Российской Коммунистической Партии (большевиков)

СТАРЕЙШЕЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЕ ИЗД-ВО „ПРИБОЙ“.

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ“
ЛЕНИНГРАД 1925

1828/10

1828
10

Г. ЗИНОВЬЕВ

ФИЛОСОФИЯ ЭПОХИ

РАБОЧЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО „ПРИБОЙ“
ЛЕНИНГРАД 1925

Ленинградский Гублит № 3766. Заказ № 1038.—1½ л. Тираж 5.000 экз.

Государственная типография имени тов. Зиновьева. Ленинград, Социалистическая, 14.

...„Такие вещи, о которых говорит Устрялов, возможны. История знает превращения всяких сортов. Полагаться на убежденность и преданность и прочие превосходные душевные качества—это вещь в политике совсем несерьезная... Много хороших было примеров»...

„Я за поддержку Советской власти в России—говорит Устрялов—хотя был кадетом, буржуа, поддерживал интервенцию, — а за поддержку Советской власти потому, что она стала на дорогу, по которой катится к обычной буржуазной власти...».

Враг говорит классовую правду, указывая на ту опасность, которая перед нами стоит... Сменовеховцы выражают настроение тысяч и десятков тысяч всяких буржуев или советских служащих, участников нашей новой экономической политики. Это основная и действительная опасность. Поэтому на этот вопрос надо обратить главное внимание: действительно, чья возьмет».

(*В. И. Ленин*, т. XVIII, ч. 2-я, стр. 42—43).

...«Из России нэповской будет Россия социалистическая»...

(*В. И. Ленин*, т. XVIII, ч. 2-я, стр. 103).

[illegible]

[illegible]

[illegible]

[illegible] т. XVIII, [illegible] стр. [illegible]

[illegible]

[illegible] т. XVIII, [illegible] стр. [illegible]

1.

Борьба за «рельсы».

Скоро исполнится первое пятилетие нэп'а. Первые суммарные хозяйственные итоги этого пятилетия можно подвести уже и сейчас, и они подводятся с громадным плюсом для социалистического строительства. Процессы, бывшие еще в самом зародыше пять лет и даже три года тому назад, теперь созревают с большой быстротой. Мы на перевале. Общим местом стало,—что мы переживаем переходный период. Вся эпоха диктатуры пролетариата есть ведь только переходный период к новому строю, а мы переживаем, как говорил Ленин, переходный период переходного периода. Естественно, что жизнь в эти годы пестра и противоречива, что на каждую тенденцию зачастую приходится полторы контр-тенденции, что политическая и экономическая современность вышивает иногда очень запутанные узоры. Весь вопрос теперь в том, чтобы ответить: какова та *основная красная нить*, которая пролегает через весь лабиринт противоречий? Наметился ли уже первый основной итог и каков этот итог? «Куда растет» нэп? Как ответило первое пятилетие нэп'а на ленинский вопрос о том, «кто кого?» Снят ли уже жизнью этот жизненный вопрос—«кто кого?» Как ответит наша революция, приближающаяся к первой десятилетней годовщине ее, на ленинское предсказание, что из России нэповской будет Россия социалистическая? Россия нэпмановская пока еще не превратилась в Россию социалистическую. Но Россия голодная превращается и в значительной мере превратилась в Россию сытую. Это уже не предвидение, а факт, и факт немаловажный. Новые времена — новые песни. На очереди вопрос о том, по каким рельсам окончательно пойдет сытая, выздоравливающая, становящаяся все более и более полнокровной наша страна? «Куда растут» подспудные силы, которые определяют направление этого рельсового пути?

Силы новой русской буржуазии не одиноки. Наша «собственная» новая буржуазия есть агентура буржуазии международной. Она связана с нею тысячью нитей. Крупнейшей важности процессы будут зреть в ближайшие годы в нашей деревне, где на одном полюсе, несомненно, будут вызревать буржуазные факторы, а на другом подниматься социалистические. Весь вопрос, какие опередят, как пойдет развитие? Новые буржуа, городские и сель-

ские, новые капиталистики, значительная часть интеллигенции будут еще стараться направить поднимающееся хозяйственное развитие в «новое» (на деле старое, буржуазное) русло. Бои, хотя и «бескровные», хотя и тихие, без грохота пушек вокруг этого вопроса, решающего судьбы революции, происходят уже и теперь. Эти бои отличаются от боев, которые мы знали в первые годы революции и на фронтах гражданской войны, именно тем, что они «тихие», что они растянуты во времени, что они раздроблены на ряд мелких почти эпизодов, что они гнездятся в порах повседневной экономики и быта, что они развиваются открыто, без внешних эффектов, что они иногда прямо-таки не видны для невооруженного глаза.

Тем более внимательно, тем более испытующе пролетарский авангард должен вглядываться в ту дорогу, по которой мы идем. Тем настоятельнее потребность еще и еще раз отмеривать пройденный путь и анализировать опасности, подстерегающие революцию в дальнейшем.

Полезно будет выслушать наиболее интересную оценку переживаемой эпохи, даваемую представителем непролетарского лагеря. Полезно выслушать грубую «классовую правду» классового врага, узнать, на что он ставит ставку.

II.

«Философия эпохи» идеолога «новейшей» «советской» буржуазии.

В этом отношении выдающийся, прямо-таки громадный, интерес представляет литературная новинка — книга Н. Устрялова «Под знаком революции» (Харбин, изд. «Русская Жизнь», 1925 г.)[1].

Это тот самый Устрялов, который еще в июне 21 года заговорил о «перерождении ткани революции», о «спуске на тормозах», о «пути термидора», о «перерождении большевизма», о том, что НЭП есть не тактика, а эволюция, о «безнадежности социализма в современной России» и т. д. Ленин тогда же (на XI с'езде партии) указал на то, что выступление этого наиболее талантливого представителя «новой» сменовеховской буржуазии есть «классовая правда», грубо, открыто высказанная классовым врагом. В декларациях дружбы к Советской власти, щедро расточаемых Устряловым и его сподвижниками, Ленин тогда же распознал мечты о реставрации обычного буржуазного государства, «обычного буржуазного болота». Ленин тогда рассказал, что «сменовеховцы выражают настроение тысяч и десятков тысяч

---

[1] Это — сборник статей, начатых в 1921 г. и заканчивающихся к середине 1925 г. Логически это одна цепь. По мере развития нэп'а, уверенность Устрялова в своем «анализе» только растет. Все увереннее и увереннее говорит он о «перерождении» Советской власти и Компартии.

всяких буржуев или советских служащих, участников нашего НЭП'а».

С тех пор утекло немало воды. Профессор Устрялов успел за это время сблизиться с Советской властью. Из предисловия его книги мы узнаем, что «с конца февраля 1925 года мне (Устрялову) приходится практически и на собственном опыте осуществлять идею „делового сотрудничества с Советской властью"... И, наконец, как раз с моментом появления в свет настоящей книги совпадает поездка моя в качестве советского спеца в Москву после почти семилетнего расставания с нею».

Устрялов тем более опасный классовый враг, что он на словах «принимает» Ленина.

В «Государстве и революции» Ленин прекрасно писал о том, что «не раз бывало в истории с учениями революционных мыслителей и вождей угнетенных классов... при жизни... встречали их учения с самой дикой злобой, походом лжи и клеветы. После их смерти делаются попытки превратить их в безвредные иконы»...

«Ленин наш, Ленин—подлинный сын России, ее национальный герой рядом с Дмитрием Донским, Петром Великим, Пушкиным и Толстым»,—пишет курсивом Устрялов. И в то же время через все его описание сквозит мысль: мы — наиболее культурная, наиболее передовая часть русской буржуазной интеллигенции, мы — европейски образованные буржуа, прошедшие через огонь и воду испытаний Октябрьской революции, мы люди без предрассудков, мы ничего не имеем против того, чтобы «именем Ленина» проделана была та работа, которая нужна н а м, чтобы именем Ленина совершен был «спуск на тормозах», произведена была «ликвидация взлета [1]» России к Октябрю.

Устрялов отгораживается от вульгарных нэпманов и всевозможных пенкоснимателей и «спекулянтов дурного тона». Он выступает идеологом «действительного развития производительных сил страны», совсем как в добрые старые времена Струве, когда он примазывался к марксистам. Но с развитием производительности страны на смену вульгарному нэпману, пенкоснимателю, к Устрялову должен был прийти не рабочий социалистического государства, а кто-то совсем другой.

Кто-же?

Ответ Устрялова:

«И тогда за ним (то-есть за нэпманом вульгарного пошиба) д о л ж н а п р и й т и и с о з и д а т е л ь н а я б у р ж у а з и я (разрядка Устрялова) — выдвинутая и закаленная революцией и, в первую голову, конечно, этот «крепкий мужичок», без которого немыслимо никакое оздоровление нашего сельского хозяйства, то-есть основа экономического благополучия России» [2].

---

[1] Н. У с т р я л о в. «Под знаком революции». Стр. 165.
[2] Н. У с т р я л о в. «Под знаком революции». Стр. 98.

Итак:

1. «Созидательная буржуазия» плюс

2. «Крепкий мужичок» — вот источники вдохновения профессора Устрялова.

Еще более сочно Устрялов развивает ту же тему в другом месте своей книги. Вырисовывается и «человеческий материал», составляющий фокус новой России. Это в первую голову крестьянин-производитель — «редкий хозяйственный мужичок». В городе он должен иметь свое выражение, продолжение и восполнение. Так кто же?

«А вот это новое поколение хозяйственников,—деловиков из рабочих, кооператоров, людей живого опыта, практиков „американской складки" («Новизна», как видите, относительная Н. Устрялов!), с личной инициативой, энтузиазмом работы... В большинстве они вышли из революции или по крайней мере закалены ею... Они внесут в жизнь нечто н о в о е от революционного огня:—„поправку" к „ буржуазной психологии" обычного типа, необходимую сдержку „диктатуры деревни", свежую равнодействующую влияний; в значительной степени от них зависит и будущее нашего городского быта. Но не нужно забывать рядом с ними и более ординарную капиталистическую буржуазию: она не может в тех или иных рамках не возродиться» [1].

Хотите знать общественный идеал «внеклассового» проф. Устрялова? Хотите знать, чьи интересы защищает, чьи мысли выражает этот выдающийся представитель сменовеховства—вы можете установить теперь это с полной точностью. Вот «номенклатура» героев Устрялова:

1. Редкий хозяйственный мужичок.

2. «Более ординарная» капиталистическая буржуазия.

3. Новые поколения хозяйственников (имеются в виду, очевидно, буржуазия или обуржуазившиеся хозяйственники).

4. Деловики из рабочих (здесь у господина Устрялова ставка на поддающуюся плохим влияниям нэп'а группу бывших рабочих, которые ни в партии, ни в рабочем классе никаким серьезным влиянием не пользуются и пользоваться не могут).

5. Кооператоры (конечно, имеются в виду настоящие, т.-е. буржуазные и мелко-буржуазные кооператоры).

6. Практики американской складки (есть американцы и «американцы»).

7. Просто люди «живого опыта». Говоря попросту, имеется в виду н о в а я б у р ж у а з и я и н о в а я б у р ж у а з н а я и н т е л л и г е н ц и я, обученная и вышколенная годами революции, кое-что позаимствовавшая у нее, но стоящая обеими ногами на почве буржуазных отношений,—вот кто должен править современной Россией по Устрялову.

---

[1] Н. У с т р я л о в. «Под знаком революции». Стр. 142—43.

«Чем же сменовеховцы отличаются от Милюкова?», — весьма кстати спрашивает Устрялов (стр. 171) и отвечает: «Они отличаются от Милюкова тем, что отнюдь не добиваются власти». О, отнюдь!.. Устрялов совершенно бескорыстно заботится «только, только о „мужике"». Неужели вы в этом сомневаетесь? «Мы, сменовеховцы, хотим, чтобы русский мужик получил все, что ему исторически причитается от наличной революционной власти». Ну, еще бы! Конечно, бывший министр Колчака радеет только о мужике!

«Сменовеховцы,—пишет Устрялов в другом месте,—отражают взгляды интеллигентско-спецовских кругов, с одной стороны, и настроения инициативных „хозяйственников" города и особенно деревни, с другой» (стр. 172).

Неужели кто-либо из большевиков осмелится сказать «советскому буржуа»: Пишешь ты о мужике, а думаешь о новой буржуазии?

Чего ясней!

«Власти нам не надо». «Цель и спасение в том, чтобы оздоровление страны было направлено по руслу спокойной и экономной эволюции» (стр. 171).

«Огромная интеллигентская масса лойяльна именно по-сменовеховски... Посильно отражать настроения именно этих кругов мы сочли бы для себя почетной задачей... Будучи искренно готовы к полезной деятельности... В самой деловой работе Советской власти мы позволяем себе оставаться при собственном взгляде на историческое развитие России, на будущее России, на историческую роль великой русской революции, которую мы „принимаем", но не совсем так, как это полагается по уважаемой „азбуке коммунизма"» (стр. 170).

Нельзя не поблагодарить Н. Устрялова за откровенность. Мы также не отказываемся от сотрудничества и от привлечения к «полезной деятельности» «интеллигентских спецовских кругов» (особенно работников типа Н. Кутлера, на которого, как на яркий образец интеллигентской лойяльности, указывает Устрялов). Что касается «спецов» по «ликвидации» взлета революции, то с ними мы будем вести неизбежную борьбу, несмотря на то, что они «отнюдь не добиваются власти» (попробуйте, добейтесь!).

Какова же, однако, общая философия эпохи, которую дает Устрялов? (Одна часть его книги так и названа: «Очерки философии эпохи»). Эта философия сводится к следующему:

«Революция уже не та (разрядка Устрялова), хотя во главе ее все те же знакомые лица» (стр. 24). «Факел почти догорел, а мир не загорелся» (стр. 10). «Старая буржуазия умерла, рождается новая буржуазия, а подчас и старая перерождается в новую. Умерла и старая бюрократия, но, тоже фатально, рождается новая... Король умер, да здравствует король!»... (стр. 15) «Реакция здоровая и плодотворная» (разрядка Устрялова). «Ликвидация коммунизма и действительная

консолидация земельных завоеваний крестьянства»... (стр. 36). «Страна уже не та, начинаются сумерки, быть может и очень долгие, длительные, как в северных странах... Это не может не отразиться и на власти. Пусть ее держат те же лица, но они сами уже не те... Или революционная власть будет постепенно наполняться новым содержанием, или ей придется вообще уйти» (стр. 45). «Это уже не прежний большевизм» (стр. 51). «Большевизм перерождается». «Революционная Россия превращается по своему социальному существу в „буржуазную собственническую страну"» (стр. 96). «Нынешняя „коммунистическая" Россия об'ективно является наименее социалистическим государством в современной „буржуазной Европе"» (стр. 151). «Чем более дух коммунистической революции овладевал Россией, тем более коммунизм должен был получить буржуазный характер» (стр. 120). «Мужик становится единственным и действительным хозяином русской земли» (стр. 122), и в то же время все это вместе взятое «неизбежно приведет и уже приводит к подлинному русскому ренессансу» (стр. 120).

И, в то же время, «мы целиком за Советскую конституцию. Советская конституция, как принцип, с такой точки зрения, может в значительной мере удовлетворять притязания национального демократизма. Этого мы непростительно не учитывали, когда пребывали в белом лагере» (стр. 109).

Слово сказано: «национал-демократизм».

«Национал-большевизмом» называет свою «систему взглядов» Устрялов, а выходит на поверку, что дело идет о простом национал-демократизме на «советских» дрожжах. Перед нами обычный «национал-демократ»—политический тип, достаточно известный в передовых капиталистических странах. И если этот национал-демократ бьет поклоны Советской власти, обнажает главу перед мавзолеем Ленина, клянется и божится, что он «принимает» Октябрьскую революцию, то это именно потому, что взлет пролетарской революции в нашей стране не ликвидирован и ликвидирован не будет — руки коротки у «уважаемых» (совершенно так же, как они «уважают» «азбуку коммунизма») ликвидаторов. Это потому, что русский ренессанс в устряловском смысле этого слова, т.-е. возрождение кулацко-демократической России пока еще только снится почтенному профессору. Это потому, что подлинные «сумерки» наступили не для революции, не для большевизма, а для буржуазии, в том числе и для тех культурных «сливок» русской буржуазии, одним из наиболее «утонченных» представителей которых является почтенный профессор Устрялов.

Устрялов с раздражением говорит о тех своих политических друзьях, которые рядятся в слишком левую тогу и обнаруживают чрезмерную «мимикрию» (приспособляемость, перекрашивание) в своих взаимоотношениях с Советской властью. Этот упрек в известном смысле делает честь Устрялову. Жаль только, что и

сам Устрялов не вполне свободен от «мимикрии». Если бы он, вместо «национал-большевик», писал—«национал-демократ» это было бы и честнее и яснее. Эта последняя порода, во всяком случае, гораздо менее «загадочна», чем хочет казаться Устрялов.

Устрялов претендует быть «диалектиком».

Читая первое произведение Устрялова в 1921 году, Владимир Ильич не раз говорил о том, что в устряловском подходе к проблемам современности, действительно, есть нечто похожее на диалектику, но, ограниченный узкими пределами буржуазного круга мышления, Устрялов до подлинной диалектики, разумеется, подняться не смог. В лучшем для него случае он в такой же мере диалектик, в какой мере Струве, времен его «Критических заметок», был «марксистом». Он софистицирует, насилует диалектику для того, чтобы получить те выводы, которые нужны «культурному», «созидательному» буржуа времен пролетарской революции.

«Что касается злободневной проблемы нэп'а, то я, — пишет Устрялов,—совсем не говорил и не говорю, что Россия „крепкого мужичка" перестает быть Советской Россией. Она может остаться и Советской (вот как великодушен г. Устрялов! **Г. З.**), но жизненную форму советской государственности можно наполнить целесообразным и плодотворным экономическим содержанием... Суть дела для меня все-таки не в форме государственного строя... а в содержании» (стр. 109).

Подход, как видит читатель,—почти что диалектический. Россия «может» остаться и советской. Известно, что еще Милюков в 1921 году выдвигал лозунг: «Советы без коммунистов». Устрялов—буржуа без предрассудков. Пусть государственная оболочка будет советской, важно только наполнить ее «целесообразным и плодотворным экономическим содержанием». А что является плодотворным и целесообразным, об этом будет судить господин Устрялов.

Их ответ известен заранее: целесообразно и плодотворно буржуазное экономическое содержание. Экономический идеал, его же не прейдеши,—товарное общество; а всевозможные взлеты революции, которые, быть может, и неизбежны и даже необходимы были на миг, чтобы покончить с докапиталистическим варварством царского самодержавия, эти «взлеты» должны быть ликвидированы...

Где-же та сила, которая смеет ликвидировать пролетарский «взлет» революции? Где те рычаги, которые история приводит в движение для того, чтобы «спустить» страну, поднятую революцией на «дыбы», на уровень успокоившейся, перегоревшей в огне революции, богатой, полнокровной буржуазно-демократической страны, хотя бы сохранившей оболочку советской государственности?

Этот вопрос естественно занимает Устрялова больше всего. Подход у него и здесь почти диалектический.

«Единственный надежный путь—трансформация центра»,— пишет жирным курсивом Устрялов (стр. 18).

Эта мысль красной нитью проходит по всей книге Устрялова. Роль центра, генерального штаба революции, Устрялов оценивает почти по-«марксистски». В этой области особенно полезно прислушаться к «грубой классовой правде врага». Вдуматься— на что он ставит ставку...

Да, малейший намек на «трансформацию центра» революции имел бы гигантское значение для судеб революции, особенно в обстановке нэп'а. И, чем более централизовано руководство революцией (а пролетарская революция не может развиваться иначе, как при централизованном руководстве), тем большее значение получают малейшие опасности «трансформации центра». Громадная сложная машина приводится в действие находящимся в центре тонким усовершенствованным механизмом. На этом механизме не должно быть ни пылинки, иначе вся машина пойдет не так, а то остановится и вовсе. Жгучий интерес наиболее дальновидных противников к пролетарской революции, к тому, как работает механизм нашей машины, вполне понятен.

«Единственный надежный путь»—«трансформация центра»— так-то это так, но только беда в том, что желательной для вас «трансформации центра» (ленинского центра) вы не увидите, как ушей своих без зеркала. Против каких бы то ни было уклонов от пролетарского пути Ленинский Центральный Комитет партии, штаб революции—будет стоять, как один человек, ибо он—ЦК Ленинской партии. «Приспособление лидеров движения к новой его фазе» (стр. 24),—вот что снится Устрялову.

«В непрерывном развитии она (революция) постепенно преображает себя, отсылая в „историю" свои „предельные" лозунги и против своей воли намечая программу реакции здоровой и плодотворной...» (стр. 36). «Тогда процесс завершится наиболее удачно и с меньшими потрясениями—путем власти» (стр. 24).

Чем не «диалектическая» постановка вопроса?..

«Единая историческая диалектика, превращающая центральные и красочные фигуры в несознательных попутчиков подлинных своих предначертаний и задач, до времени неисповедимых. А то, что самим этим фигурам в процессе борьбы и сутолоки, в бурливой игре суб'ективного воображения представляется побочным и попутным, оказывается нередко как раз центральным, пребывающим, стержневым» (стр. 86).

И слушайте, слушайте дальше «ехидную диалектику» господина Устрялова. Покончив с «обще-философскими» формулами, Устрялов берет быка за рога. Ему и море по колено. Он переходит прямо к высшим органам РКП, он анализирует работу 12 и 13 с'ездов партии.

«Сумрачные дни 12 с'езда», «недобрые дни 13 с'езда» (стр. 192), по расчетам Устрялова, должны смениться чем-то новым. «Есть признаки, что их трансформация уже началась: их вредные ре-

зультаты, очевидно, успели выявиться. Подождем 14-й с'езд»... (стр. 163). Подождите, подождите, г. Устрялов, вам ничего другого и не остается, как ждать. Но будьте спокойны, ни 14, ни 24 с'езд РКП не обнаружат той трансформации», которая нужна вам.

Устрялов ходит вокруг да около не только с'езда нашей партии, но и вокруг ЦК, Устрялов знает, что «ЦК—военнополитический штаб русской революции, подлинная власть, ведущая страну, правящая страною» (стр. 162).

В статье «Семилетие», посвященной семилетней годовщине Октябрьской революции, Устрялов передает следующий любопытный диалог:

«Недавно в беседе с одним из видных нынешних московских спецов, человеком большой благородной интеллигентности и горячо преданным своей работе, ему, прежде всего, был задан естественный для нас, нетерпеливый „общий" вопрос»:

«...Ну, скажите, как же вы все-таки определите основное содержание этого изумительного семилетия?»

Он ответил, раздумчиво, просто и задушевно, после короткой паузы:

«Основное содержание... по-моему, оно в том, что ЦК стал на семь лет старше за это семилетие...» (стр. 160), «неизбежное совершается. Годы берут свое. Ошибки исправляют и поучают. Перерождение страны вступает в более спокойную затяжную фазу... Стоящий непосредственно у власти ЦК „умнеет" более быстрым темпом, нежели широкие партийные массы (а это не совсем безопасно)» (стр. 163).

Словом, курице просо снится... Еще при жизни Ленина, еще в 1921 году, при первых шагах по пути нэп'а, Устрялов во всю глотку кричал, что это не тактика, а эволюция большевизма, перерождение его. Что же удивительного, если Устрялов утешает себя тем, что мы уже не «те» и в 1925 году. Мы охотно предоставим ему повторить свою блестящую «диалектическую» аргументацию и в 1935 году, когда социалистическое строительство СССР поднимется еще на гораздо более высокую ступень, чем ныне. Но Устрялов, повидимому, и не слышал, что резолюции недавней XIV Всесоюзной партконференции приняты единогласно. А эти, абсолютно правильные, твердые и ясные резолюции дают вполне недвусмысленный ответ на то, куда идет РКП.

III.

Идейная смычка новейшей буржуазии с вождями 2 Интернационала.

Мы, однако, далеки от того, чтобы отказаться выслушать «грубую классовую правду врага». Устряловский диагноз, устряловская философия переживаемой эпохи не являются только

диагнозом одиночки. Что Советская власть «перерождается», что капитал восстанавливается во всей его красе в СССР—в это верят значительные круги международной буржуазии, в это верят и руководящие круги Второго Интернационала, являющиеся в этом вопросе верным рупором определенных кругов международной буржуазии, в том числе «новейшая» «советская» буржуазия. В этом отношении чрезвычайно интересна недавняя полемика Дана и Отто Бауэра с К. Каутским и прения, бывшие на только-что закончившемся Марсельском конгрессе 2-го Интернационала. Погромно-белогвардейская тактика, предложенная Каутским, не встретила всеобщего признания во Втором Интернационале. Тактика Каутского, в сущности говоря, основана на плане возобновления империалистскими державами вооруженной интервенции и блокады. Только при этом условии имела какой-нибудь смысл та «тактика», которую предлагал в своей недавней погромной брошюре Каутский. Вождям 2-го Интернационала не трудно было отвергнуть эту тактику, хотя бы уже потому, что вооруженная интервенция и блокада в данный момент по соотношению сил на международной арене просто напросто невозможны. Почему же из нужды и не сделать добродетель! Почему же при такой ситуации не об'явить себя «принципиальным» противником интервенции и блокады? О, если бы эта интервенция и блокада и, быть может, прямая война против СССР были для империалистской Англии и Франции теперь посильны, — вождей Второго Интернационала, как и г. Милюкова (который, как известно, тоже является теперь «принципиальным» противником интервенции), не долго пришлось бы уговаривать. Но это невозможно—вот почему приходится искать другую тактику.

В своем ответе Каутскому г. Ф. Дан, руководитель русских меньшевиков, рисовал «действительный процесс, который в зачаточных формах уже совершается и в местных советах, где зажиточное крестьянство постепенно вытесняет „бедноту", а „беспартийный"—коммуниста, и в административно-полицейском и в военном аппарате коммунизма, куда медленно проникают новые элементы, прикрывающиеся защитным цветом лойяльности к Советской власти, и во всех бесчисленных комиссиях, совещаниях и учреждениях, где все громче и громче начинает говорить буржуазный дух—конечно, цитатами из ленинского евангелия».

«Так подготовляется полное и своеобразное перерождение Советской власти, на словах остающейся „коммунистической" вплоть до тех пор, пока не лопнет ее диктаторская и коммунистическая оболочка» («Социалистический Вестник», №№ 105—106, стр. 13).

Это, в сущности говоря, тоже «философия эпохи», которую мы видели у Устрялова, только выраженная поглупее и без словесного приятия Советской власти. Для нас это лишний довод, чтобы хорошенько помнить то, что говорил Ленин о некоторых свойствах некоторых частей нашего госаппарата, лишний довод

за то, что влияние партии на государственный и хозяйственный аппарат не должно ослабляться. Дан выдает себя с головой. Полезно знать, на какую карту ставит меньшевизм.

IV.

«Канонизация кулакизации».

Приблизительно ту же «философию эпохи» можно найти в официальных органах эс-эровского лагеря. Так, в последнем номере парижского журнала правых эс-эров «Современные Записки» (выходит при ближайшем участии Авксентьева, Бунакова, Вишняка и Руднева) можно прочесть: «Вся эта „машинизация", „товаризация", „пролетаризация", „коллективизация"... все это только канонизация самой обыкновенной кулакизации» («Современные Записки», XXIV, стр. 376). Это сказано с потугой на остроумие, но смысл этого ясен.

О, если бы в СССР в самом деле происходила «канонизация кулакизации»—тогда господам Авксентьевым и Рудневым оставалось бы только радоваться, а не тешить себя политическими бутадами.

Идеологи подлинного кулачества делают хорошую мину при плохой игре и притворяются, будто хотят защищать деревню против «канонизации» кулака. Чтобы вскрыть свою политику, целиком «текущую» из кулака, они, отсиживающиеся в Париже, они, на берегах Сенских проливающие обильные слезы по поводу обид, причиненных Советской властью кулакам, надеются поправить свои, в конец пошатнувшиеся, политические делишки тем, что надевают на себя маску защитников русской деревни от «канонизации кулакизации», будто бы производимой... коммунистами.

В политике такие маскарады бывают. Только совсем неумные люди принимают их всерьез. Ведь выступают теперь защитниками рабочих Милюков и комп., а защитником крестьянства «великий князь» Николай Николаевич. Ведь организует крестьянский союз атаман Богаевский с белогвардейским Алексинским. Не будем же удивляться тому, что Авксентьевы и Рудневы, Черновы и Сталинские выступают борцами против «кулакизации». Однако, наших эс-эров и меньшевиков нужно бы отправить в школу к Устрялову, который ту же «философию эпохи» умеет преподносить куда искуснее и тоньше.

V.

Что такое пролетарская революция?

Мы «реставрировали» здесь «философию эпохи», даваемую нашими противниками, не только для того, чтобы посмеяться над этой философией. Нет, мы привели с такой полнотой взгляды

враждебного нам лагеря, прежде всего, для того, чтобы, как учил Ленин, посмотреть в глаза «классовой правде, грубо открыто высказанной классовым врагом»—особенно таким неглупым врагом, каким является Устрялов.

Мы не скрываем от себя и того, что не только верхушка развращенной вождями 2-го Интернационала рабочей аристократии верит сказкам о нашем перерождении. Мы знаем, что есть в мировом рабочем движении и другая небольшая прослойка рабочих, стоящих вне рядов 2-го Интернационала, которая так же подозревает нас в том, будто мы постепенно «спускаемся на тормозах» в царство крестьянской ограниченности, будто мы «перерождаемся» и упускаем из виду перспективы социалистической революции. Это та прослойка рабочих, которая составляет питательную среду для «ультра-левых» настроений и которая на деле очень близка к идейному облику правых оппортунистов.

То, что Устрялов собирается записать в актив революции, что с его точки зрения является плюсом,—с точки зрения пролетарской революции, с точки зрения ленинизма явилось бы величайшим пассивом, огромным минусом, если бы... если бы фактические оценки Устрялова не были сознательно извращены—на потребу «новейшей» буржуазии. Наш долг—долг пролетарских революционеров—трезво отдать себе отчет, действительно ли в современной социально-политической обстановке намечаются те процессы, которые так приветствует, так призывает, так славословит Устрялов.

Ставя этот вопрос, мы должны вслед за Лениным ответить на него прямо: да, развитие нэп'а при затяжке мировой революции действительно чревато среди других опасностей и опасностями перерождения. На это десятки раз указывал Ленин. На это указываем мы все теперь, хотя наши хозяйственные успехи огромны.

Вспомним, что говорил Ленин на XI с'езде партии:

— «Государство в наших руках, а в новой экономической политике оно в этот год действовало по-нашему? Нет. Оно действовало не по-нашему... Вырывается машина из рук: как будто сидит человек, который ею правит, а машина идет не туда, куда ее направляют, а туда, куда направляет кто-то — нето спекулянты, нето частно-хозяйственные капиталисты, нето те и другие».

Ленин не боялся сказать на весь мир, что «машина идет не туда», несмотря на то, что государственная власть находится в наших руках.

С тех пор прошло уже четыре года. Революция прошла новый тяжелый этап. Обозревая первые экономические итоги первого пятилетия нэп'а, мы имеем полное право сказать ныне: машина все более и более идет туда, куда ее направляют. Вопрос «кто кого?» не снят еще с очереди, не разрешен еще, но одно становится очевидным: этот вопрос все более и более разрешается в нашу пользу.

«Сумерки революции», «понижение революционной кривой» (стр. 46), «спуск нынешней России с вершин революции», конец революционного половодья, убыль октябрьского наводнения—вот что видит в современной обстановке устряловщина. «Страна готова к нормальной жизни» (стр. 163). А раз нормальная жизнь—то это, видите ли, значит, нормальная буржуазная жизнь, жизнь на накатанных буржуазных рельсах!..

Все дело в том, что даже будто бы «благожелательно» настроенные к нашей революции Устряловы, в лучшем для них случае, переносят на первую великую пролетарскую революцию законы развития революций буржуазных. Они знают из истории буржуазных революций, они читали в книжках об этих революциях, что даже наиболее успешные из этих революций, дойдя до своего апогея, неизбежно катились назад или останавливались и застывали в своем развитии. Поскольку буржуазная революция не начинала перерастать в социалистическую, это иначе и быть не может. И, не понимая того, что пролетарская революция на то и пролетарская революция, чтобы начать новый период всемирной истории, Устряловы «по аналогии» думают, что и у нашей пролетарской революции нет других исторических возможностей, как, «взлетевши» до своего высшего пункта, затем резко попятиться назад, или в лучшем случае начать топтаться на месте. Подлинные законы развития пролетарских революций для Устряловых начнут обрисовываться лет этак через двадцать после того, как пролетарские революции победят, по крайней мере, еще в нескольких странах.

В одном месте своей книги Устрялов говорит:

«Монтескье был очень прав, утверждая, что „народ либо слишком, либо недостаточно деятелен: иногда сотней тысяч рук он все опрокидывает, а иногда сотней тысяч ног он движется, как насекомое"» (стр. 3).

Этой фразой, сочувственно цитируемой Устряловым, наш идеолог «новой» буржуазии выдает себя с головой. Ограниченный рамками старого буржуазно-индивидуалистического мировоззрения, Устрялов знает только две возможности. Народ 1) либо сотней тысяч рук все опрокидывает, 2) либо сотней тысяч ног движется, как насекомое. А что народ может десятками миллионов рук «все опрокинуть» для того, чтобы потом сотнями миллионов рук начать строить новое—строить по образу и подобию своему, строить новое трудовое социалистическое общество, осуществлять на деле мечту, взлелеянную поколениями,—этой третьей возможности для Устрялова не существует; это для него книга за семью печатями.

«Народ сотней тысяч ног движется, как насекомое»,—это эпоха «нормального» буржуазного развития, это эпоха застоя, рабства, косности, темноты и нищеты.

«Народ сотней тысяч рук все опрокидывает»—это периоды революций, это периоды быстрой ломки, это праздники для народов. Но эта формула может относиться к буржуазной революции. Пожар ярко вспыхнул, а затем быстро затих; остался один пепел. Народ поднялся, народ устранил власть одного привилегированного меньшинства для того, чтобы передать эту власть другому привилегированному меньшинству.

Не то—революция пролетарская. Она открывает новую страницу в истории человечества. Это революция большинства в интересах большинства. Для пролетарской революции момент непосредственного завоевания власти, непосредственной борьбы с оружием в руках за власть есть, разумеется, крупнейшей важности момент, но этим моментом не исчерпывается, а только начинается пролетарская революция. Это не ее апогей, а только ее исходный пункт. Взявши власть и упрочивши эту свою власть, пролетариат только начинает невиданную еще в истории человечества строительную и культурную работу. Впервые в истории создаются организации рабочего класса, охватывающие всех до единого рабочих, вплоть до самых отсталых слоев их. Впервые в истории человечества пролетариат начинает на деле поднимать на высшую ступень все непролетарские элементы трудящихся, в том числе крестьянство.

«Главный источник непонимания диктатуры пролетариата со стороны „социалистов" (читай: мелко-буржуазных демократов),— пишет Ленин,—состоит в непонимании ими того, что государственная власть в руках одного класса, пролетариата, может и должна стать орудием привлечения на сторону пролетариата непролетарских трудящихся масс, орудием отвоевания этих масс у буржуазии» [1]. Где же это понять господам Устряловым? Впервые в дело управления государством, хозяйством, всей жизнью страны втягиваются миллионы, а затем и десятки миллионов людей. Впервые прежде угнетенный класс раскрепощает, освобождает прежде угнетенный пол — десятки миллионов женщин. Страна победившей пролетарской революции превращается в настоящий муравейник.

«Загляните в самые недра трудового народа, в толщу масс: там кипит организационная, творческая работа, там бьет ключом обновляющаяся, освещенная революцией жизнь» [2], так говорил Ленин еще в начале 1918 года. В гораздо большей степени эта жизнь бьет ключом теперь и забьет в ближайшие годы. И настоящий пафос пролетарской революции раскрывается именно в этом: в строительстве, втягивающем все более и более широкие многомиллионные массы прежде угнетенных, забитых людей. Гений Ленина помог нам найти конкретный путь к социализму и в деревню: через кооперацию. «Поголовное коопе-

---

[1] Н. Ленин. Собр. соч., т. XVI, стр. 447.
[2] Н. Ленин. Собр. соч., т. XV, стр. 91.

рирование, „культурная революция" — в этот период мы теперь вошли. Над этим делом трудятся уже десятки и сотни тысяч строителей. А будет время, когда над этим будут работать миллионы и миллионы. Под'ем крупной промышленности (электрификация) плюс кооперация—сим победиши».

Снимите сменовеховские очки, г. Устрялов, попробуйте освободиться от своего буржуазного «нутра», хотя бы на короткое время вглядитесь в то, что делается в СССР уже теперь—к восьмому году революции, пережившей из восьми годов, по крайней мере, пять лет самых тяжких невзгод, нужды, борьбы и страданий. Тогда вы поймете, быть-может, что то, что происходит сейчас, есть не сумерки, а только начинающийся рассвет. Революционное половодье не идет у нас на убыль, а входит в спокойные гранитные берега пролетарской диктатуры. И энергия этого половодья не пропадает втуне, а вводится железной рукой пролетариата в русло десятков и сотен хозяйственных и культурных Волховстроев.

То, что идеологу буржуазии (хотя и «новой») кажется и, в силу его буржуазной натуры, должно казаться скучными буднями нашей революции,—на деле является началом расцвета подлинного массового народного творчества. Народ, руководимый пролетариатом и его партией, все более успешно осуществляет программу Октябрьской революции—ту самую программу, во имя которой народ и поднялся в великом Октябре. Эта реализация программы Октябрьской революции вначале неизбежно происходит очень медленно и с перебоями, с препятствиями. Но пролетарская революция знает «секрет», который позволяет ей именно в самые трудные времена революции развивать все большую и большую энергию самых широких масс, поднимать все более и более глубокие пласты трудящихся. Пролетарская революция есть неисчерпаемый родник массового творчества трудящихся. Бенгальских огней, фейерверков, внешних эффектов, треска и шума—всего этого было немало и в буржуазных революциях. А вот этот все ширящийся обхват все новых толщ народных масс, этот постепенно, но неуклонно нарастающий прилив спокойной и уверенной энергии миллионов и десятков миллионов, эта выдержка и настойчивость широчайших народных масс в деле достижения своих целей, эта безграничная уверенность в победе, этот невиданный еще в истории могучий рост организованности масс, эта ненасытная жажда организоваться и вдоль и поперек, и по горизонтальной, и по вертикальной линии, этот пафос хозяйственной, строительной, вначале медленной, но по существу своему великой хозяйственной работы—это и есть пролетарская революция.

Вглядитесь в духовный облик нынешней России, начиная с десятилетнего пионера и кончая «старогвардейцем». Разве не видите вы, что это—новое племя, новые люди, что это—народ победоносной пролетарской революции.

что он горит не нервной краткой вспышкой бенгальского огня, а спокойным, все более разгорающимся, уверенным огнем пролетарской революции? Факел не догорел, а только еще начинает разгораться. Мир еще не загорелся— в этом вы правы,—но он загорится и он загорается.

«В народной массе мы (коммунисты)—все же капля в море, и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает».—Эти слова Ленина партия наша помнит. Партия борется и будет бороться против всякого «линяния», против всякого «перерождения». Партия останется верной себе до конца. Но именно поэтому она постоянно будет стараться правильно выражать то, что «народ сознает».

А знаете ли вы, г. Устрялов, что именно народ наш сознает теперь в 1925 году, на восьмом году революции, когда хозяйственный под'ем обрисовался с полной наглядностью, когда Россия становится полнокровной, когда она начинает кончать с тяжелыми годами голода и нищенства? Вам кажется, что раз страна хозяйственно поднимается, раз благосостояние растет, раз страна становится сытой, то народ, в виду этого, мечтает непременно о создании «упорядоченного» буржуазного строя, об установлении более или менее «европейских» отношений буржуазной цивилизации.

Старая Россия, но без царя и, по возможности, побогаче, чуточку покультурнее—вот о чем, по-вашему, мечтает наш народ.

Но в том-то и дело, что вы не знаете народа.

Хотите знать, о чем подлинно мечтает народная масса в наши дни? Чтобы выразить парой слов эту мечту, можно сказать: это—уничтожение классов, новая жизнь, социалистическое равенство. Вот подлинный ключ к пониманию философии нашей эпохи. Народные массы и прежде всего рабочие поняли, что путь к новой жизни без эксплуатации человека человеком есть долгий и трудный путь, требующий многих и многих годов. Мы живем не в 1917 г., а в 1925 году. Рабочие знают, что только тяжким трудом они постепенно будут поднимать благосостояние Советского Союза и постепенно же строить социализм. Рабочие понимают, что нэп с его элементами неравенства (затушевывать которые было бы извращением ленинизма) есть единственно правильный путь к социализму в крестьянской стране, есть этап необходимый, всерьез и надолго (но, разумеется, не навсегда). Передовые рабочие отлично понимают, почему, например, необходимо было недавнее решение о спецах. Рабочий авангард сознает, что полное равенство наступит только при коммунизме, когда исчезнет разница между физическим и умственным трудом. В сроках и путях передовик-рабочий теперь разбирается недурно. Он прекрасно знает, что можно сделать завтра, а что послезавтра. А вместе с тем твердая решимость уже сейчас, изо дня в день итти к социализму, строить социализм, итти к новой жизни живет теперь

в трудящейся массе не в меньшей, а в большей степени, нежели в 1917 г. Вот что нужно понять!

Во имя чего в великие дни Октября поднялся пролетариат, а за ним и огромные массы всего народа? Во имя чего пошли эти массы в огонь за Лениным? Во имя чего массы эти под перекрестным огнем неприятеля, преследуемые голодом и холодом, шли за знаменем Ленина в первые тяжкие годы Советской власти?

Во имя идеи новой жизни на началах именно не-буржуазных. Во имя уничтожения классов, т.-е во имя социализма.

Ленин увлек за собою многомиллионные массы трудящихся не только идеей борьбы против царя или против войны, но прежде всего и больше всего именно идеей социалистического равенства, т.-е. именно тем, что он, как никто, сумел выразить глубокую думу и мечту многомиллионной массы трудящихся о новой жизни на социалистических началах.

Больше всего и глубже всего пролетарские массы (и народные массы вообще) задумываются в нынешнюю эпоху революции над тем, удастся ли теперь, когда хозяйственный под'ем на-лицо, начать постепенно внедрять начала социализма в нашу жизнь, удастся ли на деле строить новую жизнь, во имя которой массы шли за Лениным. Эта мысль не всегда осознана, не всегда оформлена, но именно она живет в глубочайших слоях народа, именно она является тем цементом, который сплачивает народную массу вокруг наших знамен.

Удастся ли вражьим силам столкнуть хозяйственно-поднимающуюся страну на старые пути, как этого хотят господа Устряловы и Даны, или народной массе, руководимой пролетариатом, удастся, наконец, начать реально строить новую жизнь на началах социализма? Удастся ли богачу так или иначе стать хозяином страны, или человеку труда, бедняку удастся окончательно упрочить свое господство в стране, отвоеванной им у богачей, и начать устраивать эту страну на новых началах, полностью исключающих эксплуатацию человека человеком, полностью уничтожающих разделение на классы, дабы трудящийся человек мог жить, трудиться и культурно развиваться не в нищете, не в темноте?

Вам, г. Устрялов, кажется, что на очереди «ликвидация взлета» революции. А на деле на очереди—постепенное воплощение в жизнь программы Октября. Вы толкуете вкривь и вкось каждое слово отдельных наших работников для того, чтобы прийти к утешительным для вас выводам о том, будто мы перестаем дышать одной грудью с беднотой. А на деле партия наша все больше и больше сближается с новыми массами трудящихся и бедняков для того, чтобы помочь им воплотить в жизнь мечту о новом строе, о бесклассовом обществе, подлинном социализме. Ленин стал такой громадной, исполинской фигурой

всемирной истории потому, что он сумел с наибольшей полнотой, как никто до него, выразить именно эти стремления народных масс. Ленинская партия сумеет и на новом этапе революции, как и всегда до сих пор, остаться верной Ленину в этом решающем вопросе.

Ленинская партия берет теперь дело организации деревенской бедноты в свои руки еще с большей энергией, чем когда бы то ни было—через поголовное кооперирование, через оживление советов (этим путем мы охватим и середняка, и бедняка); через специальные организации, как реорганизованные комнезамы, союзы Кошчи, организации сельхозрабочих и батраков и т. д., и т. п. (Этими организациями мы поможем особо бедняку).

Интересы революции потребовали ряда новых решений (мы говорим о решениях XIV конференции), которые в деревне на первых порах могут быть иногда использованы деревенской верхушкой. Это значит, что одновременно с этим РКП берется с удесятеренной энергией за дело всесторонней помощи деревенской бедноте—в новых формах,—о чем подробно сказано и в резолюциях 13-го с'езда и XIV конференции. Чем дальше, тем больше партия будет дышать одной грудью со все более широкими массами тружеников города и деревни,—ведя их вперед, к социализму, а не назад, к капитализму.

А основной курс партии на середняка остается, разумеется, в силе. «Сугубое и трижды сугубое внимание» середняку—учил партию Ленин еще на 8-ом с'езде. Середняк—центральная фигура современной деревни. Этого не понимают у нас только отдельные лица. Партия, как целое, решительно отвергает и «мнимо-левый» уклон (не замечать середняка) и другой уклон (не замечать кулака—кулак «есть-де жупел»). Центральная мысль ленинизма о середняке вошла в плоть и кровь партии настолько, что ею полны все наши писания и выступления.

Руководящая роль в нашей революции принадлежала и принадлежит рабочему классу. Это—во-первых. Генеалогия рабочего класса в нашей стране такова, что облегчает рабочему классу руководство крестьянством. Наш рабочий «течет» непосредственно из крестьянства, его связи с крестьянством поэтому особенно тесны. Это—во-вторых. А в-третьих, пролетарская революция в нашей крестьянской стране развивается в международной обстановке, благоприятствующей исторической миссии нашего рабочего класса. Рабочий класс СССР имеет международный резерв. Французская революция, как об этом не раз напоминал Ленин, происходила в такой международной обстановке, когда она была окружена ожерельем феодальных и полуфеодальных стран. А наша революция происходит в такой международной обстановке, когда она, хотя и окружена еще ожерельем буржуазных государств, но когда внутри каждого из этих буржуазных государств быстро зреет могучая пролетарская сила, идущая нам на помощь. Этого не надо забывать.

Обстановка трудна. Новая эпоха революции несет новые трудности. Но эти трудности, без всякого сомнения, будут преодолены. Вооруженная методом Маркса и Ленина партия международного коммунизма, единственная в мире, ведет строго научную политику. Она видит препятствия, она в высокой степени обладает уменьем реально оценить тенденции и контртенденции. Она научилась нащупывать равнодействующую общественных сил и, когда нужно, самой в течение необходимого времени итти по этой равнодействующей. Она умеет, когда это нужно, «лавировать и отступать». Она умеет делать необходимые уступки непролетарским элементам трудящихся—прежде всего, середняку—для того, чтобы расчистить исторический путь к постепенному переходу на социалистические рельсы этих слоев народа, находящихся еще, по условиям своего хозяйства, под влиянием буржуазных идей. И в то же время она умеет остаться сама собой, т.-е. партией коммунизма. А наша партия в СССР умеет остаться партией пролетариата в крестьянской стране, партией, восьмой год возглавляющей диктатуру пролетариата при известной затяжке мировой революции.

Эту гибкость, это уменье «лавировать» и «отступать» господа в роде Устрялова пытаются изобразить, как «перерождение», как «отказ от коммунизма». Это не тактика, а эволюция большевизма,—кричат они во все горло. Это—тактика пролетарской революции в крестьянской стране при затяжке мировой революции,—спокойно отвечаем мы.

Поживем—увидим, кто окажется правым.

Но вещания врагов не пропадут для нас даром. Мы запомним их. Они послужат нам еще одним напоминанием о некоторых реальных опасностях (см. Ленина, который еще в 1923 г. предостерегал против опасности превратиться в «царство крестьянской ограниченности»), которые заложены в переживаемой обстановке. Мы, может быть, даже прямо переиздадим книжки Устрялова и сделаем обязательным изучение ее в наших партшколах и других учебных заведениях. Пусть прочтут классового врага пролетарской революции, пусть задумаются над его «пророчествами», созвучными «пророчествам» старых наших знакомцев—эс-эров и меньшевиков. Пусть прочтут и поймут, чего хочет и чего ждет классовый враг. И пусть научатся пролетарской рукой стирать «перерожденческую» ржавчину, как только она где-нибудь появляется.

Впервые наши противники создают более или менее «законченную» свою «философию эпохи». Это не случайно. Это соответствует «мирному» периоду.

В новой обстановке партия наша должна была принять и приняла на недавней XIV Всесоюзной партконференции ряд новых решений, связанных главным образом с растущей нашей рабо-

той в деревне. Эти решения определяют путь надолго. Новая буржуазия, включая сюда кулаков, через своих дельцов, политиков и идеологов будет пытаться сорвать эту линию партии. Международная буржуазия и ее слуги из 2-го Интернационала будут им помогать. Легальная партия у нас в стране одна. Вполне возможно поэтому, что некоторые шатания проникнут даже в среду самой партии. Ведь уже и сейчас эти «перерожденческие» идеи преподносятся под видом дружбы к нашей партии, сочувствия ей, согласия с ней, дружелюбного похлопывания ее по плечу. В стране с таким огромным количеством мелкой буржуазии, как у нас, эти явления неизбежны. Но неизбежно и то, что пролетариат нашей страны, в трех революциях выковавший себе, под гениальным руководством Ленина, нашу большевистскую партию, сумеет твердо провести линию в нынешний переходный период в строго-ленинском духе.

Последние слова Ленина на трибуне (последнее публичное выступление в Московском Совете) были: «Из России нэповской будет Россия социалистическая».

Да, наша партия ясно видит все опасности, которые заложены в обстановке. Да, она знает, что, когда острота революционных битв утихла, когда непримиримые классовые враги разбиты в открытом бою и распылены, тогда к пролетарской революции тихо подползают новые опасности, которые надо уметь во-время распознать и парализовать.

Живет, растет и крепнет закаленный в боях пролетариат СССР. И потому из России нэповской будет Россия социалистическая.